

Lûbov' Savëlova

Narečnye èksplikatory kul'turno značimoj informacii v russkom âzyke

---

Acta Neophilologica 10, 5-12

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

JEZYKOZNAWSTWO I GLOTTODYDAKTYKA

Любовь Савёлова

Москва

НАРЕЧНЫЕ ЭКСПЛИКАТОРЫ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Key words: Russian, adverb, semantic, pragmatic, lingvocultural, information

Лингвокультурологическое исследование единиц и подсистем языка предполагает выявление и интерпретацию средств, способов, вариантов актуализации информации, значимой для определенного этноязыкового сообщества. Объект лингвокультурологии связывается прежде всего с той частью «внеязыкового мира, «предметы» которой оказываются «вербализованными духовно значимыми [...] ценностями» [Алефиренко 2006: 30]. Интерес когнитивной лингвистики в рамках практического решения этого круга задач направлен прежде всего на слова именных частей речи, но не ограничивается только ими. Особый класс слов с точки зрения способов объективации знаний человека о мире образуют наречия. Теоретической основой данного утверждения является учение о предназначенности слов тех или иных лексико-грамматических разрядов для передачи определенного рода информации.

В языке, по словам Н.С. Державина, «пережиточно сохраняются пласты различных эпох языкового и культурного развития человечества. В виду всего этого язык и является для истории культуры драгоценным документом, дающим возможность воссоздавать древнейшее состояние «духовной» и материальной культуры, социальных отношений и международных взаимоотношений. Старое языковое наследие в новом периоде языкового и культурного развития не отбрасывается обыкновенно в сторону, не исчезает бесследно, но усваивается новой культурой и продолжает жить в языке, то в виде окаменелостей, какими в нашем языке являются многие предлоги, союзы и наречия, а также суффиксы и окончания, бывшие некогда целыми словами, то в своем исконном виде, но с частично измененной звуковой огласовкой или с другим значением» [Державин 1926: 233]. Этимологические изыскания, безусловно, важны для изучения прагмасемантического потенциала наречий (например, существенные пре-

образования произошли в семантических структурах таких русских наречий, как *опять, почти, божески, налево, с лихвой* и др.), однако исследование синхронных связей также дает свои результаты.

Наречия, выполняя номинативную функцию, в то же время выступают и как слова-характеризаторы. Запас наречной лексики в словарном составе языка и лексиконе личности, а также точность выбора адвербиальных лексем и выражений в процессе речевой коммуникации симптоматичны в отношении степени детализации и характера восприятия действительности носителем языка.

Семантика наречий различных групп представляет интерес с точки зрения культурного кода.

Высокой лингвокультурологической значимостью, в частности, обладает безэквивалентная лексика. К числу таких единиц могут быть отнесены русские наречия *абы как* – ‘кое-как, небрежно’, *беззаветно* – ‘всеми силами, забывая о себе, не рассчитывая ни на какое вознаграждение’, *заодно* – ‘попутно, одновременно с другим действием, в добавление к нему’, *на авось* – ‘надеясь на везение, на случайную удачу’, *с кондачка* – ‘необдуманно, спонтанно, без основательной подготовки, кое-как’, *сноровисто* – ‘умело, не мешая, а помогая кому-либо’ и др.

Примечательным и существенным является не только отсутствие межъязыковых соответствий, но и внутриязыковые (межсистемные) лакуны, например, в общеупотребительном варианте литературного языка не имеют однословных соответствий следующие наречия: а) диалектные: *жильмя* – ‘живя постоянно, не уходя из чьего-либо дома, как уходят из гостей’, *гоже* – ‘хорошо, приятно, вызывая одобрение у других’, *летось* – ‘прошлым летом’, *сцела* – ‘будучи полным’, *какмога* – ‘насколько возможно (сильно)»; б) жаргонные: *лажово* – ‘плохо, неосновательно, не по-настоящему’, *по-любому* – ‘в любом случае, независимо от того, как сложатся обстоятельства’, *загрузочно* – ‘излишне все усложняя»; в) специальные: *заподлицо* – ‘на одном уровне’ (в архитектуре); *подвысь* – ‘держа оружие перед собой на уровне подбородка, острием вверх’ (в военной терминологии).

Среди специальной наречной лексики значительное место занимают иноязычные заимствования, подавляющее большинство которых приходится на музыкальные термины. В основном это заимствования из итальянского языка: *акучо, аллегро, анданте, а темпо, декрецендо, маэстозо, ленго, пиано, пианиссимо, форте, фортиссимо*. Эта лексика представляет собой зону агномимии для носителей русского языка. Знание семантики данных слов подчинено определенному (элитарному, музыковедческому) культурному коду.

Значение общеупотребительных слов также может осложняться разного рода культурными коннотациями. Так, в современном русском языке в составе наречий высокопродуктивны образования с приставкой *по-* и суффиксами *-и, -ому/-ему* типа *по-царски, по-профессорски, по-восточному, по-летнему*. Они используются прежде всего для характеристики человека (его действий, поведения, внешнего вида, внутреннего мира, образа мыслей и жизни), реже

данные слова называют признаки объектов природы и конкретных предметов. Соответственно, эти адвербативы распределяются по различным семантическим микрополям, таким как: 1) ‘особенности / манера поведения человека’: *обнялись по-родственному, по-медвежьи неуклюж, веселиться по-ребячьи*; 2) ‘особенности внешнего вида человека’: *одет по-европейски, щурится по-шакальи, по-богатырски степен*; 3) ‘образ действия’: *переполз по-пластунски, плавает по-собачьи, закричал по-петушиному*; 4) ‘способность говорить на конкретном языке’: *по-английски, по-грузински, по-итальянски*; 5) ‘особенности ценностного видения мира человека’: *по-христиански милостив, по-философски относится к жизни, по-рабски пресмыкаться*; 6) ‘особенности внутреннего мира человека’: *по-детски наивен, по-заячьи труслив, любить по-отечески*; 7) ‘аксиологическая оценка признака, действия, состояния’: *по-хорошему поступил, по-дурному отозвался о нем*; 8) ‘субъективная оценка признака, действия, состояния’: *по-провинциальному суетлив, по-дилетантски рассуждает, угостить по-царски*; 9) ‘мера, степень проявления признака’: *платит по-божески, по-истовому верить, по-настоящему добрый, работать по-стахановски*; 10) ‘характер признаков и свойств природных объектов и явлений’: *по-зимнему свежий воздух, по-июльски жарко греет солнце, по-ночному напряженная тишина*; 11) ‘видовой признак предмета’: *кофе по-восточному, макароны по-флотски, мясо по-французски, печень по-строгановски*.

Одно и то же слово может включаться в разные микрополя, так как частнокатегориальная семантика наречий контекстуально обусловлена. Сравним: наречие *по-московски* одновременно входит в две группы – 1) ‘особенности поведения человека’: *Домна низко, но с достоинством, по-старинному, по-московски, кланяется Семенюте* (А. Куприн, *Святая ложь*); 2) ‘видовой признак предмета’: *кунь по-московски*.

В редких случаях возникает омонимия в результате семантического размежевания производных. Наречие при этом соотносится с разными типами культурно значимой информации. Например, наречие *по-черному* может служить индексом разнородных понятий – цвета и интенсивности: *баня по-черному* (эксплицируется цветовой признак) и *ругаться по-черному, пить по-черному* (эксплицируется признак интенсивности). Выражение *баня по-черному* представляет собой этнографизм, поскольку называет предмет материальной культуры, широко распространенный в северных русских деревнях вплоть до середины XX века. В выражениях же *ругаться по-черному, пить по-черному* наречие *по-черному* эксплицирует отрицательную оценку конкретных проявлений маргинальной культуры, которая также может иметь национальную специфику.

По моделям *по-...-и, по-...-ому/-ему* наречия образуются от разных производящих основ, среди которых также представлены единицы различных семантических классов – наименования по месту проживания или нахождения лица, по социальному статусу, роду занятий человека, по поло-возрастным признакам, по особенностям поведения, по родственным отношениям, по сфере или времени локализации признака и т.д. Не останавливаясь подробно на каждом

из этих разрядов, обратимся к наречиям, которые формально мотивированы прилагательными, а семантически – существительными, называющими лицо по национально-этническому признаку. Это такие слова, как *по-арабски*, *по-башкирски*, *по-белорусски*, *по-гречески*, *по-испански*, *по-корсикански*, *по-мазурски*, *по-молдавски*, *по-таджикски*, *по-тюркски*, *по-французски* и многие другие. Все они передают значение ‘так, как свойственно лицам определенной национальности или этнической группы’ или ‘таким образом, как принято у того или иного народа, в той или иной стране’, в том числе эти наречия указывают на способность человека говорить на определенном языке. Значительная часть данных наречий, помимо общего нейтрального значения, выражает культурно ориентированное оценочное значение. Например, во фразеологизме *уйти по-английски* закрепился семантический признак ‘не прощаясь, не привлекая к себе внимания’. Носители русского языка и русской культуры могут воспринимать в ироническом ключе некоторые наречия, наделяя их значения оценочными коннотациями. Это касается, к примеру, таких слов, как *по-чукотски* – ‘вызывая смех своей нелепостью’, *по-уругвайски* – ‘нецивилизованно, отстало’, *по-эстонски* – ‘медлительно’, *по-еврейски* – ‘не так, как ожидалось, с хитростью’, *по-итальянски* – ‘страстно, шумно, энергично’. Возможны также и коннотации мелиоративного характера: *по-французски* – ‘изысканно, со вкусом’. В основе механизма формирования оценочных коннотаций в данном случае лежат сложившиеся в лингвокультурном сообществе стереотипы. Культурные коннотации дескриптивного типа [Токарев 2003: 58] в принципе способны выражать все наречия, соотносимые с номинациями по национально-этническому признаку, однако содержание коннотативного компонента значения варьируется, поскольку зависит от объема знания носителей языка о том или ином народе. Кроме того, необходимо учитывать, что характер выражаемой оценки обусловлен культурно-историческим и политическим контекстом и поэтому может быть подвержен изменениям.

Рассмотрим, что обозначает наречие *по-русски*. Основное значение этого наречия – ‘на русском языке’ (*говорить / понимать по-русски*). Это значение подвержено модификациям, которые имеют системный характер.

Так, сочетание *говорить по-русски* в свободном употреблении имеет разные значения:

1) ‘разговаривать на русском языке’: *из соседней комнаты доносились голоса – говорили по-русски*; в этом случае наречие *по-русски* сочетается с различными глаголами речи, акцентирующими идею речепорождения – *говорить, разговаривать, беседовать, кричать, шептать, писать* и др.;

2) ‘владеть русским языком’: *вы говорите по-русски?*; в данном случае смыслоорганизующей является идея способности говорить на русском языке и понимать сказанное. Это же значение наречие *по-русски* реализует в сочетании с глаголами *разговаривать, понимать, читать, писать* в тех их употреблениях, которые актуализируют смысл ‘уметь’, ‘быть способным выполнять названное действие’. Пресуппозиционную часть плана содержания наречия *по-русски*

составляет смысл ‘есть основания предполагать, что русский язык для общающихся (или для одного из общающихся) является неродным’.

Механизмы формирования дополнительных смыслов, передаваемых с помощью наречия *по-русски*, могут быть разными.

Говорить по-русски в качестве несвободного словосочетания означает ‘излагать свою мысль понятно, доступно (с точки зрения говорящего)’. Это сочетание прагматически нагружено: *я же по-русски сказал: не надо меня провожать*. Прагматический компонент содержания подобных высказываний составляет импликация недовольства говорящего действиями адресата, которые не соответствуют, противоречат тому, о чем ранее просил или к чему побуждал говорящий (и, как ему казалось, был правильно понят). В событийной проекции прагматический компонент рассматриваемых высказываний, формируемый с помощью наречия *по-русски*, можно представить так: а) ‘говорящий просит адресата что-либо делать определенным образом или принять к сведению информацию’ → б) ‘он считает, что выражает свое волеизъявление понятно и восприятие информации адресатом адекватно намерению говорящего’ → в) ‘адресат выполняет действие другим образом или не понимает, о чем ему говорят’ → г) ‘это вызывает негативную реакцию говорящего’. В таком употреблении наречие *по-русски* синонимизируется с фразеологизированным выражением *русским языком: тебе русским языком говорят – мы придем позже*.

Наречие *по-русски* в прагматически осложненном значении имеет узкую сочетаемость, присоединяясь к формам глагола *говорить/сказать*. Смысловый компонент ‘русский язык’ ситуативно обусловлен, он дезактуализируется, уступая место смыслу ‘язык, наиболее понятный для общающихся’, то есть *по-русски* значит ‘на понятном языке’ (‘на родном языке’). Этот смысл характеризуется устойчивостью и универсальностью, поскольку значение ‘на понятном языке’ передается изофункциональными выражениями и в других языках. Так, М.И. Михельсон, толкуя сочетание *русским языком говорить*, приводит для сопоставления материалы европейских языков: *Deutsch mit einem sprechen, Deutsch und gut (sprechen), Parler français* (‘ясно, откровенно’), *Latine loqui* (‘говорить ясно, открыто, честно’), *Romane* (‘по-римски’) [Михельсон 1994, II: 207]. В условиях референции несовпадения языковых кодов развивается дополнительный иронический смысл (например, *я ж тебе, вроде, по-русски говорю* в адрес иностранца, который может вообще не знать русского языка, звучит иронично).

Иной механизм порождения дополнительного смысла действует в научном, и шире – общекультурном, дискурсе. В значении наречия *по-русски* синтезируются смысловые компоненты ‘русский язык’, ‘русская нация’ и ‘русская культура’.

Говорить по-русски – значит *мыслить по-русски*. В частности, В.И. Даль, тонкий и ревностный ценитель русского языка в его живом и образном проявлении, настойчиво подчеркивал связь языка с образом мысли и предостерегал от опасности пренебрежительного отношения к способу

изъяснения либо предпочтения исконным словам родного языка иностранных речений: «Коль скоро мы начинаем ловить себя врасплох на томъ, что мыслимъ не на своемъ, а чужомъ языкѣ, то мы уже поплатились за языки дорого: если мы не пишемъ, а только переводим, мы конечно никакого подлинника произвести несилахъ, и начинаемъ духовно пошлѣть» [Даль 1998: XLII]. Показательно в связи с этим и употребленное В.И. Далем наречие *по-русски* в следующем контексте: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю **по-русски**» [Цитируется по: Никитин 2001]. В данном случае актуализируется общезначимая идея самобытности национальных культур и языков в их взаимодействии, что, разумеется, применимо не только к русскому языку.

Наречие *по-русски* служит также вербализации других видов культурной информации. В частности, оно используется в кулинарной терминологии: *рыба* (запеченная, тушеная, припущенная) *по-русски*; *жареное мясо по-русски*; *паровой картофель с селедочкой по-русски*; *мойва с картофелем, запеченная по-русски*; *салат из картофеля по-русски*; *пельмени по-русски*; *супы по-русски*; *суп из овощей с картофелем по-русски*; *суп с макаронами по-русски*; *грибной суп по-русски*; *овсяный кисель по-русски*; *гречневая каша по-русски*; *рисовая каша по-русски* и др. Национально-культурный компонент прагматической части значения наречия формируется не только актуализацией способа приготовления пищи и специфики технологии (как например, ручная лепка при приготовлении пельменей). Более значимым, как представляется, в этом случае оказывается косвенное указание на используемые продукты, которые являются традиционными, не экзотическими для русского человека.

Кроме того, рассматриваемое наречие включено в систему средств вербализации особенностей русского характера. Следует отметить, что сами эти особенности являются трудноопределяемыми и разнородными. Приведем лишь некоторые примеры употребления наречия *по-русски* для передачи такого круга значений: «*Любить по-русски*» (название художественного фильма, режиссер Е. Матвеев, 1995 г.); *Мне кажется, сейчас каша заваривается заново. Очень хочется, чтобы в итоге получилась каша по-русски* (из интервью с форвардом футбольной команды «Локомотив» Максимом Бузникиным, Комсомольская правда 2003, 23 октября); – А. *Не знаю как и начать. – В. Начните по-русски* [достается спиртное и рюмки, коммуниканты понимают, о чем идет речь]. В приведенных примерах актуализируются разные составляющие стереотипного представления о русском характере:

– способность любить беззаветно и при этом отстаивать и защищать то, что любишь, – землю, дом, близких людей;

– желание «заварить кашу», то есть начать делать что-то хлопотливое и, как правило, неприятное для участников событий, в том числе желание поучаствовать в драке;

– склонность решать различные вопросы «под рюмочку», то есть употребляя спиртные напитки и стремясь тем самым достичь расслабленного и слабоконтролируемого состояния – как собственного, так и своего собеседника.

Разумеется, эти составляющие в реальности не являются обязательными для каждого русского человека и не исчерпывают всей сложности его внутреннего мира, но в практике речевого общения закрепляются прежде всего эти представления. Оценочно-культурные коннотации так или иначе взаимодействуют с ядерными значениями наречия *по-русски* и существенно осложняют его прагматическую структуру. Этот вывод равным образом распространяется и на другие наречия.

Характеристика даже малой части наречного состава русского языка в аспекте культурного кода убеждает, что употребление адвербиальной лексики обусловлено интенцией говорящего, тем самым она осознанно или неосознанно включена в процессы формирования определенных образов в представлении реципиента.

Библиография

- Алефиренко Н.Ф. (2006). *Язык, сознание и культура: проблемы методологии*. В: Н.Ф. Алефиренко. *Слово в словаре и дискурсе: сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера*. Москва, Эллис, с. 30–38.
- Даль В.И. (1998). *О рускомъ словарѣ. Читано въ Обществѣ Любителей Російской словесности, въ частномъ его засѣданіи 25 февраля и в публичномъ 6 марта 1860 года*. В: В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Т. 1. Москва, Русский язык.
- Державин Н.С. (1926). *Новое направление в истории культуры и языка (Яфетическая теория)*. Звезда, № 4, с. 226–255.
- Михельсон М.И. (1994). *Русская мысль и речь. В: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний*. В 2 т. Москва, Терра.
- Никитин О.В. (2001). «Я думаю по-русски» (К 200-летию со дня рождения В.И. Даля. [Электронный ресурс] ГРАМОТА.РУ. Справочно-информационный портал. Русский язык. Русский язык за рубежом. № 2. Режим доступа: <<http://www.gramota.ru/journals.html?m=ruszr&n=2001-02&id=184>>.
- Токарев Г.В. (2003). *К вопросу о типологии культурных коннотаций*. Филологические науки, № 3, с. 56–60.

Summary

Adverbial Explicators of Cultural Information in the Russian Language

The article deals with lingvocultural aspect of studying the Russian adverb. The theoretical basis of the investigation is the idea of cognitive linguistics about function of various grammatical categories of words for rendering definite sort of information. Adverbs fulfil the nominative function and at the same time they have an evaluative connotation. The volume of the adverbs both

in the common vocabulary and in a personal vocabulary; the sharp choice of these adverbial lexemes and phrases in the process of communication are rather important for detection the degree of reality detalization by a personal. Moreover, the usage of adverbs is connected with the speaker's intentions, that is why this kind of vocabulary is included (consciously or unconsciously) into the process of forming some images in the recipient's mind.